

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ (СМИРНОВ) И ЕГО ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Святитель Иннокентий (Смирнов, † 1819) (в миру Илларион Дмитриевич Егоров), епископ Саратовский и Пензенский, родился в 1784 году в Подмоскowie в семье дьячка. От рождения наделенный богатыми способностями, он в 1806 году оканчивает Московскую духовную семинарию, являясь уже одним из ее преподавателей. Несмотря на молодость, муж высокой духовной жизни, талантливый ученый-историк, богослов, каких немного было тогда в России. В 29 лет становится ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии, одновременно преподает в Духовной Академии, директор Санкт-Петербургского отделения РБО. Будучи активным членом духовного цензурного комитета, архимандрит Иннокентий вступает в борьбу с произведениями, пропитанными мистицизмом и религиозным синкретизмом. Эта борьба и привела его к почетной высылке из столицы на епископскую кафедру в Пензу. Уже смертельно больной, он все же успешно управляет вверенной ему Пензенско-Саратовской епархией около четырех месяцев. Успев побывать в Саратове, отходит ко Господу 10 октября 1819 года. Его почитание как угодника Божия началось сразу после смерти. Сам Бог прославил его как истинного ходатая о душах наших многочисленными чудесами. Попытка общецерковного прославления на Соборе в 1917 году не увенчалась успехом в связи с революцией, и только на Юбилейном Соборе 2000 года святитель Иннокентий Пензенский и Саратовский занял по праву принадлежащее ему место в наших святцах.

По даровитости таланта современники сравнивали святителя с его другом святителем Филаретом (Дроздовым), но Промыслу было угодно лишь на малое время (35 лет жизни было у владыки) возжечь этот светильник и оставить его свет нам как ориентир на жизненном пути спасения.

Письменные его труды немногочисленны в связи с краткостью земного пути, но и они сыграли важную роль в нашей церковной истории. Особая сторона таланта святителя — это его проповеди. Многочисленные речи и поучения святителя Иннокентия издавались как при его жизни, так и после смерти (XIX в.). К сожалению, сегодняшней православный читатель мало знаком с его духовным наследием.

О проповеди

Святитель Иннокентий с таким восхищением, с такой любовью проповедовал слово Божие, что подлинно *от избытка сердца говорили уста* (ср.: Мф. 12, 34). «Проповеди святителя Иннокентия отличались необыкновенной простотой и безыскусственностью. Но за этой простотой скрывалась замечательная сила убедительности...» — пишет протоиерей Василий Жмакин в конце XIX века¹.

«Особенно возбужден он был, когда говорил о Кресте, о смирении, о терпении: слезы невольно появлялись на глазах его. Сии чувствования переливались в сердца слушателей, коих обыкновенно было великое стечение и коих глубокое молчание прерываемо было одними воздыханиями», — отмечает современник святителя протоиерей Василий Алявдин².

«Чуждый риторическим приемам, рассчитанным на внешний эффект, архимандрит Иннокентий в проповедях

¹ Жмакин В., *прот.* Обличитель масонства. Жизнеописание святителя Иннокентия Пензенского. М., 2006. С. 72–73.

² Сочинения Преосвященнейшаго Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского, собранные после его смерти: В 2 ч. СПб., 1821. Ч. 1. С. XXI.

выступал как “теплый наставник”», — вспоминает архиепископ Филарет (Гумилевский)³.

Святитель Иннокентий выступал с обличением таких проповедников, которые старались развить в себе главным образом дар красноречия, мало заботясь о том, чтобы их слово действовало на сердце слушателей. Вот какой трактат, составленный святителем Иннокентием о современных ему проповедниках, находим мы у архимандрита Фотия (Спасского): «О, насколько мы недостойные учителя и проповедники слова истины! Любодей любодействует не ради деторождения, но для насыщения нечистой своей похоти. Так и проповедник слова Божия, когда глаголет не ради рождения чад духовных по закону, но чтобы только движением рук, звуком голоса и произношением слыть за проповедника или почесать сердце свое щекотанием, слухом чести, мзды и отличия, — то же он деет, что и любодей; сей последний любодействует телесно, а тот духовно. Когда-то проповедью слова Божия волков в агнцев претворяли, а у нас из агнцев делаются волки...»⁴.

«Особенной силой и действенностью отличались частные, домашние наставления, какие святитель Иннокентий имел обыкновение давать своим почитателям. Здесь он проявлял иногда удивительную дальновидность и проницательность: казалось, что он угадывал тайные помыслы и желания собеседника. Иной, еще не успев открыться перед ним, уже был обличаем в тайных проступках. Другие краснели от внутренних укоров совести во время беседы со святителем Иннокентием, ощущая, что он как бы “читает” их внутренние чувства. Иногда даже одно простое, сказанное наедине наставление святителя влекло за собой окончательное перерождение человека и отклоняло его от пути порока», — свидетельствует его друг архимандрит Фотий (Спасский)⁵.

³ Цит. по: *Дворжанский А.И., Зелев С.В.* Иннокентий (Смирнов), свт. // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 726.

⁴ Цит. по: *Жмакин В., прот.* Указ. соч. С. 68–71.

⁵ Цит. по: Там же. С. 73.

Письма

По слову архиепископа Филарета (Гумилевского), письма святителя Иннокентия «дышат искренним благочестием и его же передают сердцу христианина»⁶. По сути, они те же проповеди, которым святитель отдавал предпочтение перед своими научными достижениями, считая проповедничество главным делом своей жизни⁷.

Наиболее тесные контакты святитель Иннокентий поддерживал с митрополитами Михаилом (Десницким) и Серафимом (Глаголевым), святителем Филаретом (Дроздовым) и своим учеником архимандритом Фотием (Спасским). Из светских лиц особенно близки ему были княгиня С.С. Мещерская и графиня А.А. Орлова-Чесменская, являвшиеся его духовными дочерьми. По делам епархии состоял он в переписке и с князем А.Н. Голицыным — своим гонителем, на которого не держал, впрочем, ни зла, ни обиды⁸.

Особо следует упомянуть об отношениях с князем П.С. Мещерским. Судя по сохранившимся письмам, обер-прокурор Святейшего Синода в затруднительных для себя жизненных обстоятельствах неоднократно обращался за советами и наставлениями к опальному епископу — факт уникальный в истории Русской Церкви!⁹

Пензенские письма преосвященного особо примечательны, так как они служили для него единственной связующей нитью с так внезапно оставленным миром друзей и сподвижников. Святителя Иннокентия при всей его слабости не обременяли эти послания, он аккуратно отвечал на каждое. В одном из писем в Петербург к княгине Мещерской в августе 1819 года читаем: «...не бойтесь, что наскучите мне Вашими

⁶ Цит. по: *Дворжанский А.И., Зелев С.В.* Указ. соч. С. 726.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: *Новиков А.П., Барзилов С.И.* Святители земли Русской: Биограф. очерки саратовских архиереев (1799–1832). Саратов, 2000. С. 174.

⁹ См.: Там же. С. 174.

чувствами. Нет, они много мне помогают. Редко случается читать Ваши письма сухими глазами...»¹⁰.

Весь день святителя обыкновенно был посвящен занятиям по должности. Днем, утомившись от них, владыка не писал писем — на эту заочную беседу он отводил часы ночные. И тогда, когда его болезнь развилась до того, что он уже не мог сидеть, преосвященный писал письма лежа на постели, на кожаной подушке, не оставляя переписку с друзьями почти до самой своей кончины. Сохранились письма, датированные 7 октября, то есть написанные за три дня до смерти.

Письма епископа, относящиеся к последнему периоду его жизни, отличаются особенным религиозным вдохновением. В них виден благочестивый подвижник, взирающий на свою смерть как на неизбежный итог земного пути и естественный переход в иную и лучшую жизнь. Вот выдержка из письма святителя к княгине Мещерской, написанного им за три дня до смерти: «Вы благодарите Господа за мою болезнь: благодарю Вас, что во истине ходите. Благодарить надобно Господа за очищение прегрешений. Доселе скверную мою душу Господь возбуждает к очищению, и доселе еще столько остается неверия, страстных скверн, что нужно продолжить очищение... Прошу и Ваших на сие молитв, ибо мои хотения и моления очень слабы. Столь же скоро прерываются, как возвращается припадок болезненный.

Господи! Как я слаб! Каждый день решаю утвердиться в намерении и каждый час колеблюсь, как прах, ветром возметаемый. Не знаю, что удаляет Самого Господа, как будто насильно. Сознаю здесь свою тяжесть греховную и искушение вражее, ибо ничто, кроме грехов, не может удалить Господа Иисуса»¹¹.

В письмах святителя встречается много душеполезных поучений, которые свидетельствуют о богатом духовном опыте владыки.

¹⁰ Письма Преосвященного Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского, к княгине С.С. Мещерской 1817–1819 года. М., 1875. С. 69.

¹¹ Там же. С. 76–77.

О любви к Богу

«...Хвалю Господа, благодарю и не знаю, когда и чем могу возблагодарить Его за ближних моих, которые благоволят мне, недостойному! Ваша любовь, как огонь, проникает самое сердце. Боюсь, чтобы ею не залюбоваться, ибо только Господь есть любовь наша...»¹²

О пути спасения

«Ах, княгиня, путь в Царствие Божие и в начале, и в середине, и в конце тесен, особенно для нас, плотяных и грешных. Как же мы хотим расширить его или, широко идучи, думать, что мы идем по нему? Нет, в сем путешествии не тратьте и слова без нужды. Господь и за сие взыщет, да взыскивает и здесь. Теперь Вы меня понимаете? В час, когда желаете умереть, думаю, лишних слов нет. Тогда един Господь, единое с ним соединение управляет всем...» — из письма от 16 июля 1819 года¹³.

«Что делать: мир — как море, город — как пучина, человек — как легкая ладья, а наш брат — разумею о себе — как легкое бремя или как обломок доски, проносимой всюду морем, поглощаемый и извергаемый не только пучиной, но и каждой волною. Что, если бы не Господь Иисус Христос, не имя Его, всесвятое и всеильное! Где бы тогда очутился такой ничтожный человек, как я? Должно сознаться, что пути Божии не таковы, каковы пути человеческие, и потому повиноваться им надлежит очень охотно, хотя бы мы и не видели благ и конца желаемого. Страстный глаз обыкновенно, как подслеповатый или исполненный желчью, видит только так, как сам устроен и расположен... Господи, просвети тьму мою!» — из письма от 8 января 1819 года¹⁴.

¹² *Иннокентий Пензенский и Саратовский, свт.* Деятельное богословие. М., 2003. С. 290–291.

¹³ Письма Преосвященного Иннокентия... С. 66.

¹⁴ Там же. С. 31.

«...Радуюсь искренне, что Ваше состояние — как тихая заря, орошающая питательной, теплой влагой и ум, и сердце, и все существо. Конечно, надобно опасаться, чтобы сия светлая, росоносная теплота не помрачилась грехами, не охладилась суетой и враждой на кого-нибудь, не иссушилась небрежностью к молитве и прочим духовным занятиям. Впрочем, не унывайте, если она на время скроется, погаснет или иссякнет: это знак испытания нашей верности, однако и следствие каких-нибудь грехов наших. За все благословляйте Господа — Он из всего извлекает нашу пользу, из всего как бы по частичке берет и созидает наше спасение...»¹⁵

О неторопливости в духовном делании

«Сознавайтесь проще и смиреннее, но в тишине, в покое, а не в смущении, не в тяжелой торопливости и излишнем рвении. Все должно расти постепенно, потихоньку. Ничему нельзя быть вне законов постепенности, вне законов покоя, в коем Бог почивает. Он Сам есть покой, а потому и нам должно идти к Нему в покое.

Чтобы не оставаться на одном и том же месте, не сделав вперед ни шагу, идите каждый день понемногу. Замечайте за собою каждый день: что делаете, что делали и что сделали. Каждый день поставляйте себя перед Господом, сколько можете, в правосудии, в чистоте совести, в простоте мыслей. Повторяйте пресвятое имя Его со страхом и любовью, как можно чаще, наедине или при людях, в уме.

Сделайте милость, берегитесь наружности. Она обнажает сердце и открывает врагу способ выкрадывать все духовное сокровище. Любите хранить драгоценности взаперти, в тайных или скрытых местах. Жемчужина и бриллиант не валяются где попало. Их убирают с осторожностью, а хранят с прилежанием.

О, сколь дороже, блистательнее, чище жемчужина молитвенная и бриллиант духовный! Как она бела и чиста! Как он

¹⁵ *Иннокентий Пензенский и Саратовский, свт. Указ. соч. С. 292.*

светит и блещет! Имя Иисуса Христа, как бриллиант, не угасает в сердце, если засветится любовью, как жемчужина, лежит и украшает тишину духовную в душе, если она обретет бдительное внимание к молитве. Приобретается то и другое. Потерпи Господа — и услышит, и приидет, и вселится!

Нельзя, повторяю Вам, нельзя спешить там, где едва можем ползти. Нам хотя бы чуть-чуть передвигаться по узкому и тесному пути Божию. О сем позаботимся, о сем помолимся, сего поищем»¹⁶.

Об умном делании и молитве Иисусовой («гимн» Иисусовой молитве)

«Примечаю, Вы хотели уединением приблизиться к единению и найти Единого Возлюбленного. Нет, этот — внешний — путь так же далек, как и все прочие: надобно искать уединения внутри себя. Правда, врагу неприятно, что Вы нашли тихий уголок, время для молитвы, удобность для созерцания, потому он, без сомнения, кинул на Вас другие сети, чтобы Вы менее могли заметить, и, верно, не примечаете. Теперь Господу неприятно, что душа Ваша запутана сетями вражьими и не распутывается, не хочет из них вырваться или хочет, но не вполне и, главное, не просит сил от Десницы, разрушившей *державу смерти, то есть диавола* (Евр. 2, 14).

Все летит, все течет. Чтобы не летела душа, надо остричь крылья или совсем отсечь; чтобы не текла вода, надо положить плотину. Сама природа или Господь во главе всех тварей научает нас и посрамляет гордость нашего сердца и ума. Крылья души — воображение, плодовитое мыслями; умножение мыслей или исчезновение добрых с появлением злых происходит от повреждений или порочной памяти. Теперь, чтобы составить лекарство от душевной слабости, нужно взять такой состав, который действовал бы частью на воображение и частью на память.

¹⁶ Там же. С. 293–294.

Однако невозможно было бы всегда изыскивать приличные и пригодные для этого состава средства, если бы мы не хотели терпеть и в терпении ожидать, когда нас посетит Господь Своею милостью и уврачует нас, как ведает. Следовательно, первый способ в сей слабости — благодушие и упование на то, что когда придет Врач, а Он верно придет исцелить страждущую. Между тем, чтобы болезнь более не умножилась, выберите себе одну какую-либо краткую молитву и подольше держите на ней внимание. Не пускайте и прекрасной мысли: пусть все стоит, пусть остановится и воображение, и память. Может быть, нужно будет, с некоторою тяжестью, останавливать и дыхание. Боритесь, терпите: имя Иисуса Христа, как пламенное оружие в руках Серафима, не пустит в сердце никакой скверны, никакого земного падшего существа, тем более змию.

Знаю, что сначала сия работа покажется чувствительной, но что же делать? Она скоро будет очищать чувства и очищаться от приземленности, если не охладает наша любовь к призывающему имени. О! Пусть одно имя, одно великое, неоцененное имя лежит в сердце, пусть одно оно — без всякой мудрости, без всех созерцаний, без всех глубоких блистательных мыслей, которые суть обманчивые очки (огни) или звезды князя поднебесного, пусть, говорю, одно имя Возлюбленного, и не более, будет и в уме, и в памяти, и в воображении, и в очах, и в ушах, и на пороге дома, и в дверях, и в постели, и за столом, и везде! О возлюбленное, святое, страшное, великое, дающее вечную жизнь имя укрепит ум Ваш на врагов, только как можно тише, спокойнее, благоговейнее приближайтесь к нему. Оно есть также огонь, поядающий все, но и угасающий в нас нашим нерадением. Оставьте на несколько часов все прежние занятия и дайте дышать сердцу одним возлюбленным именем, предварительно осознав, что во всем существе, во всех делах, хотениях и мыслях наших — ничего нет, кроме греховной гнусности.

Верю, что почувствуете исцеление; хотя в то же время сознаюсь и раскаиваюсь в гордости моей, которая заставила написать, что верю.

К тому же нужно как можно более однообразия в занятиях и правильности, дабы самой неправильностью не рассеивалась мысль...

Если единообразие приведет к слезам, благодарите Великого Подателя сей великой милости и дайте им свободу. Но отнюдь не делайте принуждения, когда текут, и не слишком наслаждайтесь ими, ибо очень сладки...» — из письма от 15 июня 1817 года¹⁷.

О сновидениях

«...Помедлим заниматься сновидениями — они для нас могут стать пищей мечтания и надмения. Довольно быть при ногах Иисуса Христа распятого, чтобы смириться до той степени крестной, с которой начинается восстание, то есть терпение наших собственных крестиков... Решась, не сомневайтесь. Колебание не свойственно упованию...»¹⁸

В письмах святителя помимо духовных наставлений можно отыскать немало интересных подробностей о жизни епархии и его архиерейском служении. Вот что, например, пишет он в Петербург княгине Мещерской через две недели после своего приезда в Пензу, 6 июля 1819 года: «На сих днях ко мне явился Тихон Смирнов, который проповедует всеобщее покаяние... он сам публично в церкви перед народом с позволения настоятеля принес покаяние во всех грехах своих и желает, чтобы их напечатали для его собственного смирения и во образец смирения прочим. Теперь живет у меня... Умру, говорит, а не отстану от своих мыслей, от данного мне побуждения распространять славу Божию. Семь лет он полагает временем покаяния и потому

¹⁷ Письма Преосвященного Иннокентия... С. 1–3.

¹⁸ *Иннокентий Пензенский и Саратовский, свт.* Указ. соч. С. 289–290.

внушает поспешность, советует завести училища, где бы обучали только страху Божию и благочестию, а не языкам и наукам. Жалуется на духовенство, впрочем, не осуждая, чего крайне боится. Чтение и пение в храмах почитает, но считает их в том виде, в каком они сейчас находятся, очень безобразными, внимания к читаемому не находит...»¹⁹.

Сам больной и немощный телесно, а потому как никто иной нуждавшийся в помощи, святитель Иннокентий никогда не отказывал в ней приходившим к нему и жаждавшим его слова. Поразительно величие духа его! Все наставления, делаемые им, все его помыслы и поступки дышали жизнью Господа нашего Иисуса Христа. Письма святителя — это руководство в праведной пред Богом жизни, ответы на духовные вопросы. Милостью Божией святитель и по смерти телесной продолжает руководствовать ко спасению. Как справедливо заметил один из его почитателей, протоиерей А. Росницкий, «для ищущих духовного сокровища письма его составляют самый драгоценный подарок — это жемчужины, из глубины благодатного моря извлеченные»²⁰.

«Любовь к Богу, выражавшаяся в глубоком смирении и сокрушении о грехах, и любовь к ближнему, одушевлявшая великое и ревностное попечение о спасении ближних, составляли главные и отличительные черты всей жизни преосвященного Иннокентия», — сказал его современник протоиерей Феодор Вязовский²¹. Истинно, *Он бе светильник горя и света* (Ин. 5, 35), как и было написано на его надгробном памятнике²².

¹⁹ Письма Преосвященного Иннокентия... С. 59–60.

²⁰ Цит. по: Жмакин В., прот. Указ. соч. С. 173.

²¹ Вязовский Ф.С., прот. Некоторые черты жизни Преосвященного Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского // Саратовские епархиальные ведомости. 1867. № 13. С. 272.

²² См.: Талин В. Епископ-подвижник // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1954. № 11. С. 15–19.